
МЕСТО ГЕНИТИВА В СИСТЕМЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПАДЕЖЕЙ И В ПАДЕЖНОЙ ПАРАДИГМЕ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Р. А. ТЕР-АРАКЕЛЯН

Речь пойдет о генитиве, о его грамматическом содержании, назначении и функционировании в индоевропейских языках.

Известно, что в языках с номинативно-аккузативной диатезой генитив характеризуется признаками исключительной грамматичности и наряду с именительным и винительным входит в тройку основных индоевропейских падежей¹.

По Э. Бенвенисту, «генитив— это падеж, который без дополнительных средств транспонирует в отношении между двумя именами функцию, которая выполняется или номинативом, или аккузативом»². Эта по своей природе синтаксическая модель генитивного отношения является первичной, основной, по-видимому, для всех индоевропейских языков, и следовательно, трансформация типа —

писатель приглашает

> → приглашение писателя

писателя приглашают

должна быть признана лингвистической универсалией.

Все другие отношения, возникающие при употреблении примененного генитива, являются вторичными, производными, функционально не мотивированными. Они сводятся практически к выражению **любых** отношений между двумя существительными — с «очень бедным содержанием и очень широким объемом»³: игра мальчика ← мальчик играет, смех мальчика ← мальчик смеется и далее — сон мальчика, книга мальчика, сестра мальчика и т. д.

Отмечая, что синтаксические отношения, выражаемые с помощью генитива, существовали еще тогда, когда для них не было специальных обозначений, а просто слова ставились рядом друг с другом, Вундт определяет генитив как «необходимый» падеж для всех индоевропейских языков. Как падеж, устанавливающий отношения между двумя именами, генитив фактически наличествует и в таких языках со слабо выраженной падежной парадигмой, как французский и английский.

Своей способностью устанавливать отношения между именами, преобразуя глагольное управление в именное определение, и выступать как транспонированный номинатив или аккузатив генитив противопоставляется другим членам парадигмы — дативу, аблативу, инструменталю и локативу, которых с падежной системой языка связывает только их вторичная функция, тогда как первичная функция относит их к семантической системе наречий.

Изложенная модель генитивного отношения знаменуется именами выдающихся лингвистов нашего времени, и прежде всего — Э. Бенвениста и Е. Куриловича. Она отличается мотивированностью, стройно-

¹ Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 199.

² Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974, с. 164.

³ Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, с. 181.

стью, убедительностью и находит подтверждение во всех без исключения индоевропейских языках, что позволяет поставить вопрос о ее инвариантности и универсальности. Наблюдаемые в некоторых языках другие частные употребления генитива (например, прилагольного — в русском языке) следует отнести к явлениям второго ряда, определяющим типологическое своеобразие этих языков. К явлениям такого рода относится, например, нетрадиционный способ выражения субъекта и объекта в некоторых типах русского предложения. Ср.: **Нины** в саду не оказалось; **Воды** прибыло; Я соберу тебе **фиалок** (И. Соверьянин). Замещение генитивом мест, традиционно отводимых в диатезе именительному и винительному падежам, сопровождается определенными семантическими осложнениями: некоторой пассивизацией отсутствующего субъекта, добавлением семы с количественным значением, неопределенностью референции объекта.

Универсальная модель генитивного отношения представляется нам строгой и мотивированной, она может служить основой для понимания и интерпретации «спорного» в современном армянском языкознании родительного падежа.

С типологической точки зрения армянский язык характеризуется как язык последовательно номинативно-аккузативного строя с четко работающей моделью транспонирования глагольной диатезы во вторичную — именную и соответственно с оформленной моделью генитивных отношений. Отметим важнейшие проявления этой модели.

1. Агнс в родительном падеже при страдательном причастии зафиксирован еще в грабаре — классическом древнеармянском языке, т. е. это явление имеет глубокие исторические корни. Грамматическое преобразование, которому подвергается агнс в армянских конструкциях с пассивным причастием сопровождается снижением процессуальности, действенности, глагольности предиката — центра диатезы, качественным сближением глагола с именем, что в свою очередь требует пассивизации субъекта — смены номинатива генитивом. Исследователь индоевропейского предложения Ю. С. Степанов ссылается на армянскую конструкцию *նրա գործել է*, т. е. «его есть сделано», определяя генитив как «самый грамматический падеж» в русском языке, который в этом своем качестве имеет **общиндоевропейский** источник — генитив как обозначение агенса в обороте с пассивным причастием. При этом он сопоставляет эту форму с русской диалектной конструкцией **У волков здесь идёно**, которая, вероятно, восходит к варианту **Волков здесь идёно** — (Здесь волки прошли)⁴. Генитивный агнс при страдательном причастии отмечается также в древнеперсидском и литовском языках.

2. В современном армянском языке транспонирование номинативного агенса в генитивный производится регулярно. Это очень продуктивное преобразование, которому способствует почти полное отсутствие словообразовательных запретов при номинализации глагола, так как армянский инфинитив с легкостью субстантивизируется, принимая постпозитивный определенный артикль:

նրանք նալում են — նրանց նալելը, տղան տուն է գալիս — տղայի տուն գալը. Ср.: *Տղան գգում էր նրանց նալելը: Մինչև տղայի տուն գալը նիրհել էր եղևիկներին ընտանիքը (Հր. Մաթևոսյան)*.

3. Посредством модели генитивного отношения осуществляется перевод субъектно-предикатных отношений в именную группу «определение-определяемое». Это чисто грамматическое преобразование, при котором прослеживаются «живые» синтаксические связи определяемого с мотивирующим его предикатом — прилагательным или его функциональным эквивалентом, субъект же получает формальное выражение в родительном падеже:

Միապանը լավ հայոց պատմություն գիտեր և գգում էր իր հայությունը (— նա հայ է), Ասատուր խաշտորյանը շարունակել է իր համար քայլերը,

⁴ Ю. С. Степанов. Индоевропейское предложение. М., 1989, с. 52.

գարձանալով գյուղի տների Միահարկության վրա (← տները միահարկ են), Ալիսոն ցավից մոռացավ հեծվորի ովութունը (← հեծվորը ով է) — Հր. Մաթևոսյան.

В силу структурно-типологических особенностей армянского языка, располагающего гибкой системой словообразования и таким универсальным актуализатором, как артикль, транпозиция предложения в словосочетание здесь почти не встречается запретов. Роль генитива при этом преобразовании очевидна. Именно способность сочетаться с родительным падежом существительного, качество или внутреннее свойство которого выражает деадъектив, позволяет провести границу между деривацией лексической и синтаксической.

4. Армянский язык широко и практически без всяких ограничений использует генитивную модель для выражения не только притяжательных, но и **локальных** отношений между именами и проявляется как язык генитивного типа, в отличие от русского, в котором те же отношения выражаются при посредстве локатива. Ср.: **Գնի Ռոստովը** и **Ростов на Дону**. Это свойство сближает армянский язык с романскими и германскими языками. Отношения, возникающие между приименным генитивом и определяемым словом, здесь отличаются очень бедным содержанием и очень широким объемом: **Քարափի հաստարուն կաղերին խոնարհվում էր քամու առաջ (Ա. Բակունց)**, **Արևածաղիկները լայն երեսները դարձրել էին դեպի հանապարհի գոմեջը (Հր. Մաթևոսյան)**; **Կողքի տան պատուհանի շրջանակների մեջ մի կնոջ դեմք նկատվեց...** **ճոնշալով բացվեց դարպասը, և պատուհանի կիներ երևաց դռների մեջ (Վ. Պետրոսյան)**.

Такие сочетания, как ***дуб утёса**, ***буйволица дороги**, ***женщина окна**, невозможны в русском языке, локативный характер которого требует выражения тех же отношений посредством приименного адвербиала: **дуб на утёсе**, **буйволица на дороге**, **женщина в окне**. Все это говорит о русском языке как языке локативного типа, в котором в сочетании «определение-определяемое слово» генитив выражает только значения, ограниченные притяжательными отношениями. Так, М. В. Панов отмечает, что даже в притяжательных русских конструкциях на приименное употребление генитива накладываются ограничения: по-русски можно сказать **стенка шкафа**, **полка шкафа**, **орнамент шкафа**, но нельзя — **рисунок шкафа** (если речь идет о рисунке, который владелец нарисовал на его стенке), потому что этот рисунок не является в нашем сознании частью шкафа, его неизменной принадлежностью. На этом фоне становятся еще более очевидными широкие сочетательные возможности армянского родительного падежа и той роли, которую в армянском языке играет формула «определение-определяемое».

5. Типологической особенностью армянского языка как языка генитивного типа является склонение послелогов с пространственным значением, которые в составе приименного определения получают форму родительного падежа: **տերտերի վրայի ծաղկամանը**, **դպրոցի մտքի շնորհ**, **մեր տան առաջի պարտեզը** и т. д.

Универсальность модели генитивного отношения и ее продуктивность в армянском языке свидетельствует о том, что положение дел с падежами некорректно решать, опираясь лишь на их морфологическую характеристику. Такой подход односторонен и обеднен. Более реально комплексное рассмотрение падежа — с точки зрения как морфологической, так и синтаксической, семантической и функциональной. Как показало такое многоаспектное рассмотрение, модель генитивного отношения в армянском языке «работает» на редкость слаженно и почти безотказно, что позволяет определить родительный падеж как необходимый падеж в падежной системе армянского языка, который по своему содержанию и функционированию полностью вписывается в падежную парадигму индоевропейских языков,

занимая свое законное место, наряду с именительным и винительным, в тройке основных индоевропейских падежей.

С типологической точки зрения армянский язык проявляется как язык генитивного типа, поскольку посредством родительного падежа здесь выражаются практически любые, в том числе и самые отвлеченные, возникающие лишь на основе отдаленной смежности, отношения между определением и определяемым. Это говорит о грамматической «правильности», канонизированности выражения отношений в именной группе, в которой присутствие генитива всегда является семантически значимым и определяющим. Это свойство армянского генитива знаменует его максимальное приближение к индоевропейскому стандарту.

Ռ. Ա. ՏԵՐ-ԱՌԱՔԵԼՅԱՆ— Սեռական հոլովի տեղը հնդեվրոպական հոլովների համակարգում և հայերենի հոլովների հարացույցում.— Սեռական հոլովը մտնում է հնդեվրոպական հոլովների եռյակի մեջ՝ ուղղականի և հայցականի շարքում: Սեռական հոլովի միջոցով գոյականի և բայի (ենթակայի և ստորոգյալի, ստորոգյալի և խնդրի) հարաբերությունները վեր են ածվում երկու գոյականի՝ հատկացուցիչի և հատկացյալի հարաբերությունների: Այդ ձևափոխությունը հայերենում կատարվում է անարգել, փաստորեն, առանց իմաստային սահմանափակումների: Տիպաբանական առումով դա հիմք է հանդիսանում հայերենը դասել սեռական (ստացական) տիպի լեզուների շարքը: